

Г.У. Соронкулов, к.п.н.
Национальная Академия наук Кыргызской Республики,
г. Бишкек, Кыргызстан

К вопросу о спонтанной языковой чуткости А.С. Пушкина («Скрытые» ориентализмы в поэме «Руслан и Людмила»)

Аннотация: Статья посвящена проблеме восточных интересов А.С. Пушкина. На материале поэмы «Руслан и Людмила» автором выдвигаются гипотезы о «скрытых», не замеченных ранее исследователями, ориентализмах, также ведётся речь о спонтанной языковой чуткости поэта и типологическом созвучии поэмы «Руслан и Людмила» восточным дастанам.

The article is devoted to the Pushkin's Oriental interests. On the material of his poem «Ruslan and Lyudmila» the hidden orientalisms are investigated. There is an idea about spontaneous language sensitivity of Russian poet and typological consonance of his poem «Ruslan and Lyudmila» to the Oriental improvisators.


Ключевые слова: ориентализмы, кыргыз-кайсаки, буруты, шлем пернатый, шапка-невидимка, спонтанная языковая чуткость.

Orientalism, Kyrgyz-Kaysaks, Buruts, Feathered Hat, Cap of Invisibility, Spontaneous Linguistic Sensitivity.

УДК: 821.161.1.

«...Нет абсолютных понятий Запада и Востока... Существовали и существуют бесчисленные переплетения западных и восточных культур...»

Чингиз Айтматов, «Собор всемирной литературы» (1976).

семирная отзывчивость (по Ф.М. Достоевскому) Пушкина и, в частности, его ориентализм на протяжении вот уже более ста восьмидесяти лет являются предметом внимания исследователей творчества великого поэта. Однако и сегодня нельзя сказать, что восточная тема в пушкиноведении исчерпана. Первые интерпретации этого аспекта пушкинского творчества можно найти в статьях В.Г. Белинского, П.А. Вяземского, Н.Н. Страхова. Но это были лишь отдельные, хотя и весьма проницательные, оценки и замечания. В XX веке данная тема получила дальнейшее развитие в работах М.П. Алексеева, В.Я. Брюсова, И.С. Брагинского, И.Ю. Крачковского, Н.М. Лобиковой, В.А. Мануйлова, М.К. Нурмухамедова, Л.А. Шеймана, Д.И. Белкина, Н.В. Фридмана и многих других исследователей.

Обращение Пушкина уже в раннем юношестве к восточным мотивам объясняется не только предпосылками биографического характера (как было уточнено сравнительно недавно, прадед поэта по материнской линии, А.П. Ганнибал, оказался не эфиопом, а выходцем из современного Камеруна) [1, с. 420-429]. Это, несомненно, явилось и отражением заметного усиления интереса как европейской в целом, так и русской культуры к Востоку в конце XVIII — начале XIX вв. К этому времени относится развитие востоковедной науки в России, что сопровождалось активной деятельностью переводчиков восточной литературы на русский язык. В 1824 году друг и однокашник Пушкина по Царскосельскому лицей В. Кюхельбекер писал:

«При основательнейших познаниях и большем, нежели теперь, трудолюбии наших писателей Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей» [2, с. 18].

В 1818 году был основан Азиатский музей Академии наук. В 1825 году — журнал «Азиатский вестник». Петербургская публичная библиотека регулярно получала книги по различным вопросам востоковедной науки. Пушкин внимательно следил за издательской дея-

тельностью по интересовавшим его вопросам, собирал в своей личной библиотеке изданные в России и за рубежом книги [2, с. 22].

Свидетельством справедливости этого утверждения академика РАН Е.П. Чельшева может служить письмо ссыльного поэта, отправленное из Михайловского брату Льву Сергеевичу. Перечисляя книги, которые он просит срочно прислать, Пушкин, наряду с «Дон-Жуаном» Байрона, драмами Шиллера, сочинениями известного немецкого романтика Шлегеля и новыми произведениями Вальтера Скотта, называет «Сибирский Вестник весь». Журнал «Сибирский вестник» (с 1825 года упомянутый нами выше «Азиатский вестник») издавался в 1818-1824 годах талантливым историком и этнографом Г.И. Спасским. Большое внимание уделял освещению быта и нравов восточных народов России. Так только в первых трёх номерах за 1820 год, состоявших из 196 страниц, 163 страницы, или пять шестых «полезной площади» отводилось под материалы киргиз-кайсацкой — казахской тематики. Эти статьи несли читателям информацию и о подлинных кыргызах, обитателях Тянь-Шаня, — «бурутах», «кара-киргизах», «дикокаменных киргизах»¹ [3, с. 11-12].

Такая картина не была случайной. «Киргиз-кайсацкая проблема, — как верно подчёркивала С.Л. Мухина, — занимала умы в 20-30-х годах XIX века чуть ли не в той же степени, что и события на Кавказе» [4, с. 231]. «Чтение «Тысячи и одной ночи» и Корана, сочинений западноевропейских и русских писателей на восточные темы, научных статей о Востоке, <...> беседы с друзьями (в частности с Кюхельбекером. — Г.С.) и, наконец, театральные спектакли»² — вот та атмосфера, — заключает Н.М. Лобикова, — в которой складывались первоначальные представления Пушкина о Востоке, его природе, людях, их жизни и мировоззрении, нравах и характерах» [5, с. 15].

Эти представления юного поэта получили своё отражение уже в первой его сказочной поэме «Руслан и Людмила», которая, вся буквально источает восточный дух. На её ориентальный характер в той или иной мере указывали Д.Д. Благой, Д.И. Белкин, И.С. Брагинский, Л.П. Гроссман, Л.И. Поливанов. Углубленное рассмотрение поэмы в данном аспекте осуществили Н.М. Лобикова и М.К. Нурмухамедов [5; 6]. В качестве восточных элементов они указывают на мотивы «Тысячи и одной ночи»: похищение джинном красавицы-невесты в первую брачную ночь; упоминание имён Шахерезады и царя Соломона; сцену искушения юного Ратмира девами; колорит в описании интерьера; царградские ковры, «курильницы золотые», восточные ароматы и многое-многое другое.

Н.М. Лобикова подчёркивает, что иногда даже при изображении, казалось бы, чисто русского предмета или явления ощущается явное преобладание восточного колорита. Так, в пушкинском описании «великолепной русской бани», куда девы ведут «младого Ратмира», лишь берёзовые ветви (надо полагать, веник. — Г.С.) — признак русского быта. Ведь издревле на Руси паровая баня с берёзовым веником считалась лучшим способом оздоровления, снятия усталости. Но в «Руслане и Людмиле» берёзовые ветви используются не по прямому назначению, а, скорее, как опахало:

Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берёз,
И жар от них душистый пашет.

Да и сама «русская баня» оказывается, по существу, восточной:

Уж волны дымные текут
В её серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковёр...

¹ Гранит в старину на Руси, как утверждает профессор К.Ж. Боконбаев, называли «диким камнем», отсюда и происходит одно из названий киргизов соседствующими народами, т.е. киргизы, живущие в гранитных горах.

² «В дни молодости Пушкина, — по утверждению В.А. Мануйлова (1930), — восточная тематика занимала в репертуаре русского театра уже одно из первых мест» [5, с. 14].

Далее Н.М. Лобикова указывает на наличие ориентальных деталей в одеяниях героев «Руслана и Людмилы». Отмечая, что в описаниях нарядов и костюмов персонажей автор сплетает русский и восточный элементы, она подчёркивает, что «первоначально одежда Ратмира имела ориентальные детали»:

Наряд восточный знаменит
Наряд из лёгкой ткани.

В окончательную редакцию, делает далее вывод исследовательница, Пушкин эти детали не ввёл:

Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берёт, та пыльный щит;
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани [5, с. 29].

Здесь мы попытаемся показать и охарактеризовать и некоторые другие из тех вероятных элементов Востока, которые «скрытно» содержатся в волшебной-фантастической поэме А.С. Пушкина и которые, как нам представляется, ускользнули от внимания указанных выше исследователей. На наш взгляд, юный поэт, может быть, и сам того специально не желая, как бы закамуфлировал общим «нарядом восточным» прямое указание на незаметную с первого взгляда, но более конкретную и яркую ориентальную «подсказку» внимательным читателям. Мы полностью солидарны с каракалпакским исследователем, утверждавшим, что у Пушкина «...конспективность изложения всегда имеет под собой основу многих сведений и данных. И можно смело утверждать: Пушкин, безусловно, знал о Средней Азии (и о Востоке вообще) намного больше, чем написал о ней» [7, с. 26].

Обратимся к тем ориентальным деталям поэмы, которые до последнего времени оставались вне поля зрения исследователей данного аспекта творчества великого русского поэта. Обычай украшать головной убор венчиком из перьев птиц или пучком конских волос — характерная особенность многих народов Востока с древнейших времён. Этот обычай, кстати, сохраняется у нас и поныне; так, нарядные тибетейки киргизских девушек украшаются венчиком из мягких перьев совы. Можно предположить, что обязательное наличие кистей на аккалпаках мужчин — тоже своеобразный отголосок «давно минувших дней». (С учётом гипотезы о восточных корнях американских индейцев, вероятно, можно допустить, что пышные головные уборы их вождей из перьев — явление того же порядка).

К слову, аналогичная чисто восточная деталь содержится в поэме Пушкина ещё до сцены встречи девами Ратмира, упоминавшейся выше и привлёкшей внимание пушкинистов своей ориентальной окраской. Это эпизод, когда Руслан после смертельной схватки с Рогдаем наезжает на «старой битвы поле» и видит на нем обросший травой «шлем *косматый*». В «Примечаниях» к фрунзенскому изданию сказок и стихотворений А.С. Пушкина для киргизских школьников составительница, Н.М. Солдатова, данное словосочетание поясняет совершенно неверно — как «шлем с остатками волос» [8, с. 154]. Здесь, конечно же, А.С. Пушкин изобразил восточный боевой шлем с венчиком из конского волоса. Утверждать так нам даёт основание тот факт, что это же выражение употребляется поэтом позднее ещё раз, в песне шестой, где изображается Руслан, умерщвлённый во сне коварным Фарлафом:

Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится *шлем косматый*.

Здесь имеется в виду высокий шлем богатыря Руслана с привязанной к нему в знак победы волшебной бородой карлы Черномора.

Затем храбрый витязь наезжает в ночной степи на огромную живую Голову, обладатель которой, как оказалось, был родным братом джинна Черномора. Руслан с изумлением видит, как Голова

Храпит, качая *шлем пернатый*,
И *перья* в тёмной высоте,
Как тени, *ходят, развеиваясь...*

Шлем, как богатырский головной убор, упоминается Пушкиным в поэме 13 раз в сочетании с самыми различными эпитетами: *медный, раздробленный, крепкий, стальной, высокий, тяжёлый, косматый, пернатый, крылатый* и, наконец, *брадатый*. Знаменательно, что последние четыре эпитета употребляются поэтом только применительно к головным уборам восточных персонажей поэмы или в тесной связи с ними («Шлем крылатый» Ратмира, «пернатый шлем» Головы несчастного брата колдуна-злодея. А «крепкий стальной шлем» Руслана становится «брадатым», а затем и «косматым», только после того, как к нему в знак победы привязывается борода Черномора). В пушкиноведении высказывалось предположение о том, что изображение Головы в поэме «Руслан и Людмила» подсказано «Отчасти народными картинками, где голова, как и у Пушкина, одета “пернатым шлемом”» [9, с. 227]. Речь идёт, однако, об иллюстрациях к «Сказанию о Еруслане Лазаревиче» [9, с. 558-559], восточное происхождение которого установлено давно. «Косматого» же шлема на этих картинках, насколько нам известно, не обнаружено. К «скрытым» восточным элементам, свидетельствующим об ориентальной языковой точности и чуткости юного Пушкина, на наш взгляд, можно отнести и употребление им слов, обозначающих волшебную шапку-невидимку. Ведь стремление к максимальной точности поэтического словоупотребления было в высшей степени свойственно творчеству (хотя и позднему) Пушкина — «поэта действительности», по его собственному (вслед за И.В. Киреевским) определению.

До тех пор, пока этот головной убор принадлежит колдуну Черномору, Пушкин называет его словом явно тюркского происхождения — «колпак»:

...Его-то голове обритой,
Высоким *колпаком* покрытой,
Принадлежала борода.

Однако после того как Людмила «...Седого карлу за *колпак* / Рукою быстрой ухватила», ещё не подозревая, что, завладев им, она надолго оградила себя от любовных притязаний злобного старца, этот головной убор стал обозначаться (в песнях 2 — 4) только исконно русским словом «шапка» (11 раз):

Арапов чёрный рой метятся ...
Хватают колдуна в охапку
вон распутывать несут,
Оставя у Людмилы *шапку*.
<...>
В досаде скрытой Черномор,
Без *шапки*, в утреннем халате...
<...>
... И девице пришло на ум,
В волнение своенравных дум,
Примерить *шапку* Черномора.

... А девушке в семнадцать лет
Какая *шапка* не пристанет!
<...>
Людмила *шапкой* завертела...
<...>

... И шапку старого злодея
Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперёд (и т. д.).

И лишь в песне 5 «нечаянный удар» вконец отчаявшегося найти свою суженую Руслана сбивает с головы спящей Людмилы «прощальный Черномора дар». Вряд ли подобное, чётко выраженное разграничение названий головного убора восточного чародея было намеренно осуществлено юным автором поэмы. Здесь, вероятно, справедливее будет говорить о спонтанной языковой чуткости Пушкина. С течением времени она становилась все более осознанной. О его неумении и нежелании даже в малом допускать неточности говорит, например, тот факт, что в черновой рукописи к XXVIII строфе 1-главы «Евгения Онегина» («Бренчат кавалергардов шпоры ...») поэт сделал такое примечание:

«Неточность. — На балах кавалергард <ские> офицеры являются так же, как и прочие гости, в вицмундире, в башмаках» [10, с. 48].

Столь же требовательным к точным, а не приблизительным образам в поэзии был Пушкин и по отношению к произведениям своих собратьев по поэтическому вдохновению. Так, критикуя стихотворение Вяземского «Нарвский водопад», он пишет по поводу стиха «Сердитый влаги властелин»:

«... можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня*? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь»; по поводу стиха «Но ты питомец тайной бури»: «Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной* о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также». По поводу стиха «Ты не зеркало их лазури»: «Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемлешь их лазури* etc. Точность требовала бы не *отражаешь*. Но твоё повторение *ты* тут нужно».

Сноска Пушкина к словам: «Не яснее ли»: «Впрочем, это придирка» (Письмо к Вяземскому от 14 августа 1825 г.). И у Батюшкова, творчество которого очень высоко ценил, он отметил неточности. К стиху «Как ландыш под серпом убийственным жнеца» (из стихотворения «Выздоровление») он приписал: «Не под серпом, а под косою: ландыш растёт в лугах и рощах — не пашнях засеянных» [11, с. 53]. Коснёмся деталей, сопряжённых с национально окрашенным восприятием поэмы «Руслан и Людмила». Субъективность иных читательских впечатлений очевидна. Но и они, скорее всего, возникают в русле излучений общего ориентального колорита этого произведения.

Так, не берусь судить за всех читателей, но заключительные строки уже упоминавшегося нами эпизода сражения Руслана со «злым завистником» Рогдаем:

Они схватились на конях;
Взрывая к небу чёрный прах,
Под ними борзы кони бьются;
Борцы недвижно сплетены,
Друг друга стиснув, остаются,
Как бы к седлу пригвождены... —

представляются мне, кыргызу, очень точным описанием сохранившейся с глубокой древности киргизской богатырской потехи — «Оодарыш» — борьбы верхом на конях. И, быть может, это всё-таки не только этнокультурная читательская реминисценция. Почему бы не предположить, что юный автор «Руслана и Людмилы» знал об этой молодецкой забаве кочевников, достаточно широко распространённой среди тюркских народов?

Первая сказочная поэма А.С. Пушкина и её основные персонажи уже давно пользуются большой любовью киргизской молодёжи. По данным наших исследований читательских интересов учащихся, осуществлённых в 80-е годы прошлого века, её знали многие школьники-

киргызы. И это — несмотря на то, что язык произведения, его немалый объем, отсутствие текста поэмы в учебниках-хрестоматиях по русской литературе для киргизской школы (если не считать пролога), казалось бы, должны были стать серьёзным к тому препятствием.

На наш взгляд, подобная пристрастность учащихся-киргызов объясняется рядом причин. Во-первых, вся волшеббно-фантастическая пушкинская поэма буквально, как уже говорилось, источает восточный дух, ряд примеров чего нами был приведён выше. Во-вторых, в сюжетно-жанровом отношении она в известной мере типологически созвучна восточным дастанам и, соответственно, поэмам киргизского «малого эпоса», в центре которых зачастую — подвиги и приключения двух верных влюблённых, которых разлучили злые недруги или судьба.

В-третьих, нельзя исключать здесь и опосредованное воздействие генетического родства имени и художественного характера главного героя пушкинской поэмы с персонажами тюркоязычного фольклора и средневековой литературы (*Руслан — Еруслан Лазаревич — Арслан — Рустем* из «Шахнаме» Фирдоуси; соответствующее киргизское имя *Арстан* обозначает льва). Таким образом, наверное, можно утверждать, что именно ярко выраженная ориентальная содержательно-эстетическая и культурологически повышенная потенциальная доступность компенсировала в определённой мере существенные языковые трудности восприятия киргизскими учащимися сказочной поэмы А.С. Пушкина¹ [12, с. 51-52].

На VII Конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) академик Д.С. Лихачёв говорил о том, что русская литература стала гигантским мостом между культурами Востока и Запада, духовным объединителем наций и народностей республик, составивших нынешнее Содружество [14, с. 2]. В данном контексте можно заключить, что поэма «Руслан и Людмила» А.С. Пушкина явилась одной из первых опор, на которых уже около двух веков покоится этот мощный мост.

Литература

1. Гнамманку Д. Так где же родина Ганнибала? // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999. С. 420-429.
2. Чельшев Е.П. Пушкин и мир Востока // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999.
3. Шейман Л.А. За чтением литературы о киргизах, казахах и других народах Востока // Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. «Киргизы, казахи и другие народы Востока в мире Пушкина»: Очерки / Под общей ред. Л.А. Шеймана. Изд. 3 пересмотр. и доп. Б., 2004.
4. Мухина С.Л. «Сибирский вестник» (1818-1824 гг.) и «Азиатский вестник» (1825 — 1827 гг.) о народах Сибири // Учёные записки Ошск. пед. ин-та. Вып. III. Ош, 1959.
5. Лобикова Н.М. Пушкин и Восток. М.: Наука, 1974.
6. Нурмухамедов М.К. Сказки А.С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии (Сюжетные аналогии, переключки образов). Ташкент: Фан, 1983.
7. Нурмухамедов М.К. Средняя Азия в творчестве А.С. Пушкина. Ташкент; Фан, 1983.
8. Пушкин А.С. Сказки, стихотворения. Фрунзе: Мектеп, 1989.
9. Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
10. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988.
11. Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. 4-е изд., стереотип. М.: Искусство, 1987.
12. Соронкулов Г.У. Родной и русский фольклор в художественно-читательских ориентациях школьников-киргызов // О преподавании рус. яз. и лит. в кирг. школе. Вып. 12. Фрунзе: Мектеп, 1988.
13. Иманалиева Т.К. Осистеме работы с русской книгой в киргизской школе // РЯЛШК, 1995, № 1.
14. РЯЛШК, 1991, № 2.

¹ Руслана и Людмилу в ряду наиболее запомнившихся персонажей русской литературы и фольклора назвали, соответственно, 133 (17,7 %) и 121 (16,1 %) учащихся — из общего числа 751 школьника (17 киргизских школ; опросом охвачены были все регионы республики). Среди персонажей русских сказок, былин и «фольклоризированных» литературных произведений герои сказочной поэмы Пушкина занимают 3-е (Руслан) и 4-е (Людмила) места. Характерно и то, что «Руслан и Людмила» (прежде всего — пролог к поэме) — одно из тех произведений, которые школьники-киргызы иллюстрируют с особым увлечением [13, с. 32-33].